

УДК 332.1

Размышления географа о «Гибели империи». Часть 2*

А. Я. Яacobсон

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

Статья написана в форме дискуссии с Е. Т. Гайдаром и его книгой «Гибель империи». Географический анализ с использованием критериев, предложенных Гайдаром, приводит к выводу, что Советский Союз, хотя и имел некоторые черты империи, все же не был образованием, аналогичным Австрийской, Британской, Французской и другим империям. Гораздо больше общего он имел с такими полиэтничными, но едиными государствами, как Югославия и – из ныне существующих – Великобритания.

Ключевые слова: империя, Советский Союз, сепаратизм, политико-географическое образование, сравнительный анализ, метрополия, полиэтничность, эмерджентность, федерация.

8. Империя или федерация? – с другой стороны

Если бы мы ставили цель просто доказать, что СССР был не империей, а федерацией, приведенных фактов было бы достаточно. Но наша цель – обнаружить истину. И мы не можем пройти мимо того факта, что среди равных республик фактически одна всегда была «равнее».

Для того чтобы в этом убедиться, вспомним одну строчку из гимна СССР: «...сплотила навеки великая Русь».

Эту строчку резко критиковали антиимперцы в 90-е годы. Критиковали за слово «навек»: дескать, оно противоречит положению о свободе выхода республик из Союза.

Критика эта представляется вздорной. Надо быть очень злым человеком, чтобы считать, что главное в жизни супругов – возможность развестись, и все время напоминать об этом. На свадьбе или ее годовщинах об этом обычно не говорят, а желают молодым быть навеки вместе (другое дело, что эти пожелания не всегда сбываются).

Но в строчке есть другой подвох, и характерно, что антиимперцы на него не обратили внимания. По Конституции – все республики равны, а в гимне выделена одна из них.

Представление о России как метрополии всегда присутствовало в сознании значительной части населения. В истории отождествлялись Киевская Русь, Московия, Российская империя и Советский Союз. Отождествлялись субъективно, но это переходило в сознание руководящих работников и чи-

*Окончание. Начало см.: Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 1.

новников, авторов учебников и преподавателей, литераторов и журналистов. Проникло в массовые представления как россиян и русских, так и «нацменов».

Все тот же А. Авторханов приводит множество примеров нарушений прав национальных меньшинств на пользование своими языками, кадровых ограничений, попросту оскорблений – не говоря уже о и без того известных фактах депортации народов. В большинстве случаев эти примеры реальны и звучат серьезным обвинением.

Надо, однако, помнить, что эти примеры, как и само представление о неравноправии республик, противоречили положениям законодательства и самой советской идеологии. Правильный вывод здесь – разобраться, дать фактам правильную оценку, принять меры, чтобы законодательство больше не нарушалось.

Но не все так просто. Нельзя не понимать и того, что в какой-то степени неравноправие здесь как бы естественно.

Да, и русские, и выходцы из России доминировали. Но ведь отчасти это объясняется их относительной численностью.

Возьмем географию. Огромный размер России, ее географическое положение в центре страны, с выходом ко всем морям, с наличием границ с Финляндией, Польшей, Китаем, Японией, США указывают на ее особое, государствообразующее место в Советском Союзе.

Ничего не поделаешь и с историей. До XIII в. у России была общая история с Украиной и Белоруссией, но не со странами Прибалтики, Закавказья и Средней Азии. К тому же в следующем веке началась уже новая история, в которой, если вдуматься, Сталин был отдаленным продолжателем дела Ивана Калиты. Даже те народы, которые присоединились к России максимально «по-доброму» (вспомним Переяславскую Раду, Георгиевский трактат), именно присоединялись, вливались в чужую историю.

И трудно иначе обосновать нахождение Эстонии и Туркмении в одном государстве, чем пресловутым «сплотила Русь». (У автора есть давняя мечта – написать монографию если не по истории, то по исторической географии Советского Союза, в которой история Грузии, Литвы, казахов, бурят, евреев и т. д., наряду с историей русских освещалась бы сначала как предыстория к будущему вхождению в Союз, а затем как самостоятельное и одновременно уже не независимое развитие внутри него. Пока не получается, в том числе и из-за методологических трудностей. Но ведь подобной книги нет вообще. В лучших советских учебниках – а есть и худшие – дороссийская история будущих республик смотрится инородными кусками).

Наконец, русский язык, единственный претендент на роль общенационального.

Все это в большей или меньшей степени естественно – в условиях единого государства, но естественно и то, что не всем это нравилось.

И сегодня следует признать: прав Е.Т. Гайдар, когда говорит о субъективных чувствах многих россиян. И прав в том, что имперские настроения россиян способствовали сепаратизму и развалу Союза. И сегодня способст-

вуют углублению этого развала, а, возможно, и новому сепаратизму, уже внутри России.

Очень характерный пример – обсуждение «Крымской проблемы», как в прессе, так и на бытовом уровне. Обязательно услышишь в нем тезис, что Крым вошел в состав России еще в XVIII веке, что Севастополь был основан русскими, что вся эта земля «полита русской кровью». И очень туго воспринимаются доводы, что до 1917 г. слово «Россия» означало нечто другое, что тогда в нее входила, в частности, Украина, а слова «российский», «русский» вовсе не означали «не украинский», хотя теперь означают. В 1854–55 годах Севастополь обороняли россияне, в том числе и украинцы. А в 1941–44 его обороняли, а затем освобождали отнюдь не русские и не россияне, а советские, в том числе и русские, и россияне, и украинцы.

Столь же туго доходит понимание, что флот, всегда бывший в Севастополе градообразующей сферой и имевший всесоюзное подчинение, подчинялся именно Союзу, а не России; как любой оборонный или машиностроительный завод – в Ташкенте, Таллине, Днепрпетровске, Челябинске или Красноярске.

Другой пример – обсуждение союза с Белоруссией. То и дело слышатся высказывания, что лучше бы Белоруссия прямо вошла в состав России. При этом авторы подобных высказываний, похоже, не осознают, что союзное государство как союз двух государств – это одно, а вхождение независимого государства в состав другого государства – вещь принципиально иная. Интуитивно предполагается, что речь в любом случае идет о том, чтобы Белоруссия снова стала «наша», надо только выбрать оптимальную форму.

От этого, «с другой стороны», не уйти, хотя нельзя забывать и про «с одной стороны».

9. В поисках аналогов: случай Югославии

Итак, не Британская и не Французская империя. И не Австро-Венгрия. Но и не США, не ФРГ, не Швейцария – федеративные государства, где нет «особого» субъекта федерации (хотя в Германии когда-то был – это Пруссия), «особого» этноса, «особого» языка при наличии других, «менее равных». А что же?

Е. Т. Гайдар неоднократно упоминает в своем тексте Югославию, даже посвящает ей, опыту ее распада отдельный параграф. Это следует признать актом научной честности. Югославия явно не империя (о чем Е. Т. Гайдар и говорит [3, с.49]), она никак не вписывается в авторскую концепцию, и человек менее честный просто притворился бы, что никакой Югославии на свете нет, точнее, она имеет такое же отношение к теме, как какая-нибудь Боливия. Но Е. Т. Гайдар чувствует, что Югославия к теме очень даже имеет отношение. Предубежденность, правда, не дает ему сделать следующий шаг – хотя бы на уровне гипотезы: а вдруг именно Югославия, не являющаяся империей, – подлинный аналог Советского Союза?

Общность, аналогичность исторических судеб налицо. Кстати, в другом контексте и сам Е. Т. Гайдар, и его единомышленники в России любят сравнивать опыт двух стран и ставить себе в заслугу, что «у нас» удалось избе-

жать крови, которой сопровождался распад Югославии (кровь Чечни, Бендер, Цхинвали, Карабаха они за кровь не считают – в сравнении с некой гипотетической кровью, которая непременно пролилась бы, если бы не их мудрая беловежская политика). Как бы то ни было, все основания для сравнения есть – ситуации аналогичные.

Югославия, как и СССР, – полиэтническая страна. Подобно множеству других стран мира.

Последнее – важно. Существует своего рода концепция этнического государства, предполагающая именно таковое естественным, а полиэтничность – своего рода уродством. Е. Т. Гайдар цитирует И. Гердера: «...Самое естественное государство такое, в котором живет один народ с присущим ему национальным характером... Ничто так не противно самим целям правления, как естественный рост государства, хаотическое смешение разных человеческих пород и племен под одним скипетром» [3, с. 40].

Очевидно, под этим подписались бы лидеры сепаратистских движений в СССР – прибалтийские, грузинские, молдавские, чеченские и т. д. Они считают так же – пока им не напомнишь, например, про абхазов или гагаузов.

Разве не таким подходом объясняются некоторые утверждения и лозунги перестроечных времен: в разных газетных статьях высмеивались понятие «советский народ» – мол, есть народы латышский, казахский и т. д., а советского быть не может; или название «Советский Союз» – мол, известно же, что все государства мира носят (якобы) названия наций, а это вопреки здравому смыслу названо по форме правления. Е. Т. Гайдару такая концепция явно близка.

Обсуждать, а тем более критиковать концепцию этнического государства здесь не имеет смысла. Достаточно напомнить совершенно очевидный факт: она по меньшей мере не универсальна. Полиэтническое государство – достаточно распространенное в мире явление.

В отличие от таких полиэтнических стран, как, например, США, Финляндия, современная Германия, полиэтничность в Югославии (и в СССР) была территориально организована. То есть имелись территории более или менее компактного проживания того или иного этноса.

Такая ситуация всегда чревата появлением националистических, сепаратистских идей и движений. Чаще всего эти идеи носят столь же субъективный, иррациональный характер, как и упоминавшиеся имперские настроения. Но иногда они рационально обусловлены – когда действует гайдаровское определение империи, когда существует реальная дискриминация по территориально-этническому принципу. Важно, однако, что эти идеи существуют и в самых благополучных государствах. В кризисных ситуациях, когда власть ослабевает, они приобретают реальные политические шансы. В частности, благодаря неожиданной поддержке чиновников.

Здесь надо вспомнить, как активно Е. Т. Гайдар опровергает в разных местах книги мнение, что Советский Союз был развален некими силами извне. Думается, он в этом прав. Никакому ЦРУ такое не под силу. Подобные процессы всегда двигаются изнутри, а внешние силы могут их лишь поддер-

жать – финансово, информационно, дипломатически. А внутренние силы слагаются, как показывает советский опыт, из двух разнородных групп. Одна – это убежденные националисты, ксенофобы, в основном из рядов национальных интеллектуалов; это идеалисты, сами по себе мало на что способные, но они формулируют идеи.

А уже на готовые идеи приходят совсем другие люди – без всяких убеждений, но охочие до власти. Пока центральная власть сильна, пока националисты тихо ворчат, или эмигрируют, или сидят в лагерях, эти люди верно служат силе. Но стоит им почувствовать слабость, и они понимают: есть шанс, которого раньше не было. Они возглавляют националистическое движение и становятся президентами, премьерами, министрами и т. д. Их участие – верный признак шансов на успех, которые они прекрасно чувствуют.

Здесь надо сказать, что территориально организованная полиэтничность есть наиболее распространенный, но все же частный случай более широкого явления. Наряду с «этническими» территориями существуют исторические регионы, сложившиеся по иному признаку. Таковы земли Германии, штаты США, провинции Италии и Испании. На историческом опыте известно, что такие регионы тоже могут при определенных условиях становиться субъектами сепаратизма.

В частности, говоря о распаде Югославии, полезно сопоставить ситуацию с движением на индустриальном Севере Италии за государственную независимость – независимость от бедного Юга и связанного с ним Центра. Не таков ли был основной мотив словенского и хорватского сепаратизма, не были ли этнические лозунги при этом лишь лозунгами? По меньшей мере, без ответа на этот вопрос в распаде Югославии не разобраться.

Можно также напомнить попытку южных штатов США в XIX веке получить «независимость» с совершенно откровенной целью сохранить священное право рабовладельцев оставаться таковыми.

Ну и, наконец, особенность Югославии, отсутствующая в Швейцарии или Бельгии, но ох как присутствующая в СССР. Говоря о Югославии, Е. Т. Гайдар отмечает: «Сербы – самый многочисленный этнос в стране. Столица страны там же, где и столица Сербии. Отсюда неизбежное доминирование сербов в органах власти, армии» [3, с. 50]. Подставьте вместо сербов русских, вместо Сербии – Россию. Все сходится.

10. В поисках аналогов: другие случаи

А нельзя ли найти еще какой-нибудь аналог этим двум уже не существующим государствам? Можно. Прежде всего напрашивается Чехословакия – тоже полиэтничная (биэтническая), тоже с особым этносом (одним из двух), тоже распавшаяся. Но это случай не столь интересный из-за своей отнесенности к простоте.

Но вот всем аналогам аналог – Великобритания. Не Британская империя, а сама ее бывшая метрополия. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Все признаки присутствуют, кроме одного – налицо стабильная, неоднократно мирно реформированная и адаптированная к новым историческим условиям система экономики и внутренней политики. Ра-

зумеется, в Шотландии или Северной Ирландии имеется свой сепаратизм, но шансы его в таких условиях невелики.

Если есть сомнения в наличии аналогии, то стоит взять только что процитированное высказывание Е. Т. Гайдара и заменить сербов не русскими, а... «Англичане – самый многочисленный этнос в стране. Столица страны там же, где и столица Англии. Отсюда неизбежное доминирование англичан в органах власти, армии». Разве плохо звучит?

(Аналогию между Сербией и Россией Е. Т. Гайдар, конечно, этой фразой и хотел показать. Но подстановку Англии он, думается, не предполагал. А почему бы, собственно, и нет?).

Между прочим, именно Великобритания имеет наибольшие основания называться империей – в смысле, который в это слово часто вкладывают: исторически она сформировалась исключительно в ходе насильственной экспансии будущего «особого» этноса (в СССР все было гораздо сложнее, а Югославия вообще была создана внешними силами). И к тому же является «мощной» державой.

И, кстати, во всем мире Великобританию многие называют Англией, а всех британцев англичанами – как Советский Союз называли Россией, а всех советских людей русскими. Хотя то и другое неправильно.

Есть еще один пример федерации-империи этого типа. Это Индия. Там явно имеется «особый» этнос. Он даже не имеет собственного названия, а его язык называется «хинди», т. е. индийский. Этот язык является государственным, к неудовольствию бенгальцев, маратхов, тамиллов и других народов.

Но в Индии нет субъекта федерации, аналогичного России, Англии или Сербии – есть несколько штатов, говорящих на хинди. И это, несомненно, укрепляет федерацию, как укрепляет ее (в еще большей степени) отсутствие не только такого субъекта федерации, но и этноса, и языка в Швейцарии.

11. Об эмерджентности: международное право и миграционное пространство

Итак, не империя, а федерация, хотя и не вполне обычная, с имперскими чертами. Однако, чтобы подкрепить этот тезис, мало показать те права, которыми пользовались части страны. Необходимо еще показать, что страна представляла собой нечто единое. Продемонстрировать эмерджентность.

Ведь федерация предполагает не только высокую самостоятельность субъектов, подкрепленную представительством в центральных органах. Федерация – это единое государство, где единство представляет собой общепризнанную ценность. Был ли таким государством Советский Союз?

Прежде всего, Советский Союз был единым государством с точки зрения международного права. Членом самых разнообразных международных организаций. Когда те или иные государства подписывали договоры с Советским Союзом, они тем самым признавали право его представителей выступать от имени всех республик как единого целого.

Можно предположить, что было бы, если бы об этом вспомнили в свое время великие державы и другие участники СБСЕ. Советское правительство, как утверждает Е. Т. Гайдар (возможно, справедливо), не имело возможности

противостоять распаду страны. Но правительства США и других ведущих государств мира имели возможность твердо заявить: ни одно самозванное государство, нарушающее существующие границы, а с ними Хельсинкскую систему и политический баланс в Европе, не будет признано. Разве что после обоюдного соглашения сепаратистов с центральным правительством, соглашения, где оговорены все границы, все имущественные вопросы, все вопросы прав человека, и все это апробировано международными экспертами. Тогда не было бы ни распада Союза, ни распада Югославии, ни Чечни, ни Косово, ни Абхазии.

Далее, Советский Союз представлял собой единое миграционное пространство. Мы помним, что даже при роспуске заморских империй возникает проблема с переселенцами (молчаливо подразумевается, что переселенцы – представители метропольного этноса). Если не считать жителей переселенческих колоний, то получаются смешные цифры: от 2 до, самое большее, 10 % населения метрополии (цифры, приведенные Е. Т. Гайдаром на с. 41).

То, что «в территориально интегрированных, полиэтнических империях проблемы, связанные с расселением этносов, возникающие в ходе дезинтеграции империй, стоят острее», признает и Е. Т. Гайдар [3, с. 41], что заставляет в очередной раз отметить его научную честность. Далее он говорит: «Здесь речь идет не о переселенцах, приехавших в заморские территории одно-два поколения назад, а о людях, отцы и деды которых жили на одном и том же месте, рядом с другими народами, на протяжении веков» [3, с. 47–48].

Но и цифры здесь не те. В СССР за пределами России проживало не 2–3, а 17,5 % русских. К тому же дело и не только в русских. Для украинцев соответствующая цифра составляла около 14 % (в том числе в России 8,5 %, в Казахстане 2 %, в Молдавии более 1 %), для белорусов 20 %, для узбеков 15 %, для казахов 19 %, для азербайджанцев 14 %, для молдаван 15 %, для киргизов 11,5 %, для таджиков 23 %, для армян 35 %.

Откуда взялась такая картина?

С одной стороны, поскольку Советский Союз (а в какой-то мере и его предшественница – Российская империя) был единой страной, в нем существовала свобода миграций. Такая свобода – одно из важнейших прав человека, и советское правительство следует критиковать не за предоставление этой свободы (если послушать некоторых прибалтийских деятелей, едва ли не самым большим преступлением советской власти является то, что она позволяла гражданам переселяться в Прибалтику и якобы даже организовывала такое переселение; впрочем, в устах тех же деятелей само слово «мигрант» является оскорбительным), а за ее ограничения, которые демократическое правление должно бы было устранить.

Естественно, что разные этносы в разной степени склонны к миграциям. Но столь же естественно, что эти миграции далеко нельзя свести к расселению метропольной нации по колониям. Столыпинская реформа, давшая земли за Уралом безземельным, комсомольские стройки, освоение целины, эвакуация во время войны, да просто переселение крестьян в города, а затем уже специалистов в другие города – конечно, это охватывало и украинцев, и гру-

зин, и татар, и белорусов, не говоря уже о исторически даже более мобильных, чем русские, армянах, евреях, немцах.

(Чего уж говорить, если уже в 2000-х годах премьер-министром, а позже министром обороны давно независимой Украины стал Ю. Ехануров – бурят, родившийся в Якутии!).

Разумеется, имели место и насильственные переселения, и еще как имели! И квазидобровольные, когда освобожденные эски или демобилизованные солдаты по своей воле оставались там, куда попали по чужой.

Наконец, не надо забывать об условности межреспубликанских границ. Собственно, это означает, что в результате миграций прошлого невозможным оказалось провести такую границу между Россией и Украиной, между Россией и Казахстаном, между Узбекистаном и Таджикистаном и т. д., чтобы разграничить русских с украинцами и т. д.

12. Об эмерджентности: историческая память и культура

Еще один важный аспект единства – общая историческая память. Разумеется, у разных народов степень причастности к этой памяти может быть различной (даже в постсоветское время вряд ли будет иметь успех попытка предложить нерусским народам России отмечать как великий праздник годовщину победы над поляками в начале XVII в.). Но и Гражданскую войну, и индустриализацию, и коллективизацию, и освоение Арктики, и сталинские репрессии, и космическую эпопею, и Афганистан, и перестройку переживали как собственное, а не чужое, не одни русские.

Особая, неоспоримая страница единой истории – Великая Отечественная война. Посмотрим под этим углом зрения на хорошо известные цифры – статистику Героев Советского Союза. Более 8 тыс. русских (а во сколько раз самих русских больше, чем представителей любого другого народа?), более 2 тыс. украинцев, около 500 белорусов, по 150 – евреев и татар, почти по 100 казахов, грузин и армян... Так не воюют за империю, так не воюют за метрополию, так воюют за Отечество.

Спустимся с пафосных вершин. Победы советских спортсменов – это куда менее значительно, чем победы Советской Армии. Но разве не вся страна болела за сборную?

Ну и, наконец, культура. Советская? Русская? Российская? О названии можно спорить. Главное – осознать сущность явления, само наличие этой культуры и ее непохожесть на большинство национальных культур мира.

Если исходить из концепции Советского Союза как империи, то Одесса по отношению к метрополии есть часть угнетаемой колонии, а на самом деле это один из важнейших центров русской культуры. Советской, единой, эмерджентной культуры.

В этой культуре есть и Булат Окуджава, «из перерусских русский» (так говорил Пушкин о немце Фонвизине), но изредка вспоминая в стихах о своем происхождении; есть и Георгий Данелия, снявший наряду с вполне русскими лентами и чисто грузинский фильм «Не горюй», и грузинско-еврейский «Паспорт», и грузинско-русско-армянский «Мимино»; есть и Фазиль Искандер, всю жизнь пишущий по-русски про абхазца Сандро из Чеге-

ма; есть и Чингиз Айтматов, писавший по-киргизски о киргизах (или казахах), но понимавший, что в первую очередь его проза будет переведена на русский язык, а потом прочитана на Украине, в Белоруссии, в Латвии, где ее с нетерпением ждут разнорасовые, но советские читатели, и лишь потом, возможно, за рубежом, где ее не так уж и ждут. Это ли не эмерджентность?

Уж если мы взяли на себя задачу географической экспертизы, попробуем подвести под сказанное выше теоретическую базу и построить модель этой культуры (очень кратко), используя предложенную когда-то классиком советской экономической географии А. Е. Пробстом (с совсем другой целью) концепцию концентров [6]. В 1-м концентре окажутся русские по национальности деятели с ярко выраженной национальной направленностью. Во 2-м – тоже русские, у которых национальное органично переплетено с общеевропейским. Затем идет 3-й концентр – деятели нерусского происхождения, в творчестве которых их национальная специфика практически не выражена, и сильно отличающийся от него 4-й – нерусские, у которых эта специфика проявляется в отдельных произведениях. Если наличие 2-го концентра характерно для всех достаточно развитых национальных культур (но только для достаточно развитых), то 3-й и особенно 4-й мы обнаруживаем лишь у особенно «мощных», «имперских», и это заставляет оценивать имперский опыт человечества не так односторонне, как это делают антиимперцы-националисты.

Но дальше идет еще 5-й концентр – аналогию ему можно найти, пожалуй, лишь в американской культуре: нерусские, сочетающие русский язык с почти чисто национальной тематикой. И уж совершенно уникальное явление – 6-й концентр, деятели нерусской национальной культуры, вписанные в «общеевропейский» культурно-исторический контекст.

Можно продолжить и показать, что специфически концентричны и национальные культуры Советского Союза. Если 1-й концентр у них аналогичен русскому (и именно из этого концентра нередко исходит непонимание других проявлений национальной культуры), то 2-й, как правило, образуют те деятели, которые одновременно входят в 6-й концентр русской культуры. Нередко имеется и 3-й концентр – деятели из 5-го и 4-го, а возможно и из 3-го «русских» концентров.

Это важно, потому что в распаде Советского Союза обычно видят трудности только для России (кто со злорадством, кто с сочувствием). И не задумываются над тем, какой будет культура, например, Грузии, когда выросшие в ней граждане 90-х гг. рождения не смогут прочитать в оригинале «Демона» и «Мцыри», не будут знать песен Окуджавы и фильмов Данелия; напомним про 6-й, он же 3-й концентр – фильмы Абуладзе, проза Думбадзе, пение Кикабидзе, Гвердцители, Бреговдзе. Едва ли в США или Германии их наследников будут читать, смотреть, слушать так же, как сейчас в России – как до боли своих и в то же время особых, причем русский читатель, зритель, слушатель эту особенность, эту экзотичность прекрасно понимает.

Мы не располагаем социологическими данными, но можно предположить, что сказанное распространяется не только на творцов культуры, но и на

ее потребителей. Например, знаменитые советские кинокомедии смотрела вся страна – хотя бы и дублированными на национальные языки. И вся страна слушала ту же эстраду – и Пугачеву, и Ротару, и Магомаева, и Азизу, и Лайму, и Тарапуньку со Штепселем.

И опять спустимся с высот. Единая культура – это не только литература, кино, эстрада. Это еще и кухня, сочетающая русские, украинские, грузинские, армянские, азербайджанские, узбекские, татарские, еврейские и другие блюда с западноевропейскими заимствованиями и чисто советскими новациями вроде «селетки под шубой», и все это перемешалось и употребляется всеми народами, хотя никто не готовит плов лучше узбеков, а борщ – лучше украинцев.

Несомненно, может (имеет право) существовать и другая точка зрения. Согласно которой то, что мы считаем пережиточными признаками империи, на самом деле есть сущностные характеристики системы, гораздо более важные, чем признаки единого федеративного государства, перевешивающие эти признаки. Но чтобы к этой точке зрения можно было относиться серьезно, она должна быть аргументирована – аргументирована именно в сравнении. Если же об упомянутых признаках единого федеративного государства не упоминается вообще, как если бы их и не было, это свидетельствует либо о сознательной недобросовестности, либо о неглубоком знании вопроса.

13. «Уроки для современной России»

Вернемся теперь к подзаголовку книги.

Видимо, главный урок, который и имел в виду Е. Т. Гайдар, – опасно заикливаться экономикой на сырьевом экспорте, хотя бы он и был в краткосрочной перспективе очень выгодным.

Если бы при этом вообще не говорилось о империи, многое было бы яснее. Разве не касается это в равной мере любого государства? Правда, особенностью Советского Союза было то, что в нем были межреспубликанские границы, как швы, по которым страна и лопнула. Сравнение: жизненные обстоятельства довели человека до самоубийства. Но если он никогда не держал в руках и близко не видел огнестрельного оружия, а по профессии он фармацевт, то выбранный способ самоубийства очевиден. Видимо, крах другой страны, проводящей такую же политику, выглядел бы иначе. Но все равно был бы крахом.

Однако вернемся к вопросам, связанным с географией.

Насколько опыт СССР вообще применим для другого государства – Российской Федерации? (Ясно, например, что в Латвии или Армении никому и в голову не придет рассматривать советский опыт именно как опыт и «уроки»). Попробуем ответить на этот вопрос, а точнее, внести вклад в ответ, основываясь только на своей профессиональной компетенции.

Можно ли считать РФ тем же самым политико-географическим образованием, что СССР, только в несколько измененных границах? (выше мы уже обсуждали эту тему применительно к паре Российская империя – Советский Союз).

Хотя методология, как мы говорили, не разработана, подходы к ней имеются [10]. Мы предложили использовать концепцию ядра, т. е., по Э. Б. Алаеву [2], части таксона, в котором сосредоточена основная информация об этом таксоне.

Для серьезного исследования на эту тему здесь не место. Но вспомним то, что выше говорилось об эмерджентности Советского Союза. Проанализируем географию общей исторической памяти или русской–российской–советской литературы. Если говорить только о Великой Отечественной войне, то память о ней неполна, если не сказать про Брестскую крепость, оборону Одессы и Севастополя, Бабий Яр и Хатынь, «Молодую гвардию», партизанские рейды Ковпака, «рельсовую войну», Белорусские, Украинские и Прибалтийские фронты, а также вклад казахских (и сибирских) частей в победу под Москвой.

Если же взять литературу, то ее не будет без Кавказа (Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Л. Толстой, Маяковский, Пастернак, Андроников, Окуджава, Искандер, Шаов), без Крыма (Пушкин, Л. Толстой, Чехов, Куприн, Грин, Волошин, Паустовский, Ахматова, Н. Островский, Гайдар, Балтер, Сельвинский, Аксенов, Евтушенко), без Одессы (Пушкин, Куприн, Ахматова, Бабель, Ильф и Петров, Катаев, Паустовский, Олеша, Багрицкий, Жванецкий), без киевско-полтавской Украины (Пушкин, Гоголь, Короленко, Куприн, Макаренко, Н. Островский, Гайдар, Паустовский, Эренбург, В. Некрасов, А. Кузнецов).

Можно еще проанализировать кинематограф, эстраду, состав советских сборных по футболу, баскетболу, шахматам, а можно науку и технику (Ландау родом из Баку, а научную карьеру он начинал в Харькове; Королев – из Житомира, а Янгель, этнический украинец, родился и вырос в Сибири, а работал в Днепропетровске). И так далее. Вывод ясен: РФ – совсем другое государство. И нет никаких оснований ожидать, скажем, от российских сборных успехов, развивающих успехи советские (разве что в хоккее, и то – почти исключительно российские и даже русские советские хоккеисты все равно чувствовали за своими плечами совсем другую страну).

Вспомним про аналогию между СССР и Великобританией. Между ними, при огромном сходстве, есть очень серьезное отличие – территориальная структура. Королевство Англия сформировалось очень рано и остается Англией и сейчас. К нему были впоследствии присоединены другие королевства – Уэльс и Шотландия. С Ирландией дела обстояли сложнее, это была истинная колония внутри метрополии, ее угнетали, грабили и одновременно колонизировали. Но сегодня Ирландия – отдельное государство, а Северная Ирландия – одна из четырех частей Соединенного королевства.

Само королевство состоит из них, как из кубиков. И, если, не дай бог, в этой стране когда-нибудь случится кризис и над ней замаячит страшный призрак сепаратизма, готовые границы налицо.

Так и в Российской империи Финляндия имела статус Великого княжества в составе империи, у нее была конституция, органы самоуправления и

однозначные границы. Вопрос о ее независимости был решен без всяких трений. Но это скорее исключение.

Возьмем Украину (как раз очень типичный пример). До 1917 г. Украина – лишь географическое понятие, и когда в упомянутом году решается вопрос о ее автономии, то это приводит к полемике между Временным правительством и Центральной Радой: если первая из сторон сомневается в принадлежности Украине даже Харькова и Екатеринослава, то вторая не прочь довести свои границы до Волги и Кавказских гор; т. е. о географическом содержании понятия «Украина» не существовало единого мнения.

То же касается и самой «метрополии». Очень большой наивностью (или географической невинностью) надо обладать, чтобы полагать, что метрополией Российской империи, завоевавшей и угнетающей остальные ее части, являлась та территория, которая сегодня называется Россией. Уважая читателя, не будем даже опровергать это представление.

РСФСР при Ленине – это то, что осталось от империи после выделения тех ее частей, которые на это реально претендовали. В далеко не всегда исторически и научно обоснованных границах. Позже точно так же выделились 5 среднеазиатских республик.

Почему это важно? Да потому, что призывы Е. Т. Гайдара были бы более реалистичными, если бы структура СССР была такой, какой ее представляли различные националистические публицисты из союзных республик. Один из таких деятелей в свое время, выступая на Съезде народных депутатов СССР, привел потрясающее сравнение: представьте, что летит самолет, и от него отделяются три маленьких самолетика – ничего страшного. Образ, согласитесь, никуда не годный: на самом деле от самолета могут отделиться крылья, хвост, но не маленькие самолетики. И СССР, и Югославия, и Великобритания – это уже было показано – эмерджентные единства, в отличие от заморских империй, и от их распада страдают абсолютно все детали рухнувшего самолета. Но, будем объективны, по-разному. Отвалившееся колесо можно приладить в какой-нибудь другой механизм. Труднее приспособить к употреблению корпус, от которого отделили и колеса, и кое-что еще, хотя и оставили что-то, возможно, очень важное, возможно, и ненужное.

Все-таки очень разные вещи – «ну вот, от балласта избавились, теперь начинаем жить в новом качестве» – как после долгожданного развода; и «да, все рухнуло, ничего не поделаешь, придется начинать жить сначала». Второе гораздо труднее, и начинать надо с четкого осознания своего положения.

Стоит вспомнить, что писал по этому поводу в позднеперестроечное время столь оригинальный публицист, как А. Солженицын [7]. Чуть ли не первым из русских авторов он заявил: «нет у нас сил на империю». Но его оригинальность – по сравнению хотя бы с Е. Т. Гайдаром – в том, что он совершенно не чувствовал себя в своих предложениях связанным сеткой союзных республик. Его идеал – Россия без чуждых завоеванных земель, но вместе с Украиной, Белоруссией и «исконными русскими территориями» вроде Северного Казахстана.

Этот подход страдал множеством недостатков: с мнением казахов или украинцев считаться и не предполагалось, не ставился вопрос о судьбе давно уже интернациональных Ташкента, Баку, Риги, а главное – предложения были утопичны из-за неучета огромной роли официальных институтов, к которым принадлежали и границы. Но важно отметить попытку учесть те факторы, о которых говорим мы. Можно сказать так: Россия в границах Солженицына – утопия, но такая Россия имела бы больше шансов стать такой, какой ее хотел бы видеть Е. Т. Гайдар, т. е. «обычной» страной без имперской ностальгии.

Мы полностью согласны с Е. Т. Гайдаром, что нынешние границы России не следует оспаривать – они таковы, и это самое главное. Но теоретику стоит помнить о их, так сказать, проблемности. И давать соответствующие советы политикам.

Однако при том что СССР и РФ – разные политико-географические образования, возможно, они принадлежат к одному и тому же классу (т. е. не к той группе, в которой находятся империи прошлого, а к той, в которой Югославия, Великобритания, Индия). Что здесь можно сказать о современной России?

Мощная? Несомненно, мощная. Слово, конечно, неопределенное. Но Россия – самая большая страна современного мира, богатая разнообразными природными ресурсами, да к тому же имеющая ядерное оружие. Достаточно, чтобы употребить это слово.

Полиэтническая? Не в такой степени, как СССР. Процент русских в населении намного выше. И все же полиэтническая. Вряд ли это нужно обосновывать. Данные об этнической структуре страны общеизвестны.

Есть одно, очень важное отличие. Если Россия в СССР была особым субъектом Союза, при том что формально она была равноправна с другими 14, то сама по себе она федерацией не была, хотя и называлась. В ее состав входили разные этнические образования, но территория вне этих образований не была чем-то единым и сопоставимым с ними. В этом смысле Россия (РСФСР) была аналогом скорее Испании или Китая, где есть автономии и есть основной массив.

Современная РФ отличается в этом плане от РСФСР. Области и края в ней провозглашены субъектами Федерации, наряду с республиками. Впрочем, общество не очень воспринимает эту разницу. Оно, в частности, легко приняло институт назначаемых губернаторов, что совершенно немыслимо в США и других федеративных государствах. Думается, что это не только результат отсутствия демократических традиций, но и тот факт, что наши области – не традиционные территориальные образования, они сформировались в бюрократической системе управления, патриотическому самосознанию граждан в них просто неоткуда взяться.

Вместе с тем есть отличные от нуля шансы, что, при условии демократизации системы управления и обязательно – реформирования административно-территориальной системы, Россия сможет приблизиться к типу (подтипу) Индии.

А этот подтип, как мы уже показали, более устойчив. При нем возможен сепаратизм, но распад страны сомнителен. Во всяком случае, намек на него уже не заложен в самой системе территориальной организации государства.

Выводы

А нужны ли выводы? Все сказано в тексте.

Мы попытались разобраться в вопросе с максимально возможной объективностью. Разумеется, от собственных предпочтений, взглядов, эмоций никуда не денешься. «Максимально возможная объективность» означает максимальный учет других точек зрения и потенциальных возражений.

Мы попытались также максимально держаться в рамках своей профессиональной компетенции. Трудно, конечно, удержаться от экскурсов в исторические, политические, социологические, юридические, этические и другие сферы. Видимо, это не всегда удавалось, но попытка была.

Все же попробуем кратко сформулировать основное.

По предложенному Е. Т. Гайдаром критерию (основному признаку империи), СССР как политико-географическое образование имел мало общего с Британской, Французской, да и прочими империями, следовательно, выводы, делаемые на их материале политиками и публицистами (из коих главный – «все империи должны были распасться и распались»), к нему неприменимы.

А его политико-географическими аналогами являются Югославия – тоже бывшая – и Великобритания. Их общие черты:

- государство состоит из нескольких «этнических» частей, пользующихся высокой степенью автономии и принимающих участие в управлении всем государством;

- одна из этих частей (и ее титульный этнос) фактически «равнее других», причем отчасти это пережиток, который можно и нужно искоренять, а отчасти нечто неизбежное, чего можно избежать исключительно путем развала государства (и то не наверняка: в давно независимой Ирландии практически все говорят по-английски), а лучше принимать как должное и неизбежное;

- государство в то же время представляет собой одно эмерджентное целое, с единым миграционным и культурным пространством, с единой историей, и аксиологически это как минимум сопоставимо с потерями частей от вхождения в него и отсутствия независимости.

Главные различия:

Великобритания, в отличие от двух других, – страна со стабильной политической системой и экономикой, и в ней сепаратистские ценности остаются уделом маргиналов;

Великобритания, в отличие от СССР, состоит из однозначно исторически и географически определенных частей (и то в пределах одного острова; с Ирландией все сложнее); среди советских республик такие «кубики» тоже были, но не таковы крупнейшие – Украина, Казахстан и, главное, Россия.

Отсюда: признавая нынешнюю политико-географическую реальность; не надеясь на восстановление СССР; даже не обсуждая и не ставя под сомнение неизбежность его распада; допуская наличие каких-то неведомых достоинств нынешней ситуации – констатируем, тем не менее, наличие и некото-

рых отрицательных последствий, прежде всего с точки зрения прав человека и с точки зрения культуры, и настаиваем на необходимости что-то делать для смягчения этих последствий.

Что делать – вопрос отдельный, для начала надо признать эту необходимость.

Итак, мы солидарны с критикуемым автором в том, что не следует стараться вернуть прошлое. Но вот будущее строить нужно, и представляется, что наш анализ может помочь строить его несколько по-иному.

1. *Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма / А. Авторханов. – Вильнюс : Моск. объединение избирателей и фирма INPA, 1990.

2. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. – М. : Мысль, 1983.

3. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи / Е. Т. Гайдар. – М. : РОССПЭН, 2006.

4. *Гусейнов Ч.* Империя – это люди / Ч. Гусейнов, Д. Драгунский, В. Цымбурский // Век XX и мир. – 1990. – № 8.

5. *Ивлева В.* СССР. Всем спасибо. Все свободны // Новая газ. – 2007. – 16 июля.

6. *Пробст А. Е.* Размещение социалистической промышленности / А. Е. Пробст. – М. : Экономиздат, 1962.

7. *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию // Комс. правда. – 1990. – 18 сент.

8. *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.) / Е. В. Тарле. – М. ; Л. : Наука, 1965.

9. *Якобсон А. Я.* Империя как экономико-географический, историко-геополитический и этнокультурно-экологический феномен // Вестн. ИрГТУ. – 1997. – № 2.

10. *Якобсон А. Я.* Информационно-географические аспекты современных территориальных изменений : методологические подходы // Природно-ресурсный потенциал Азиатской России и сопредельных стран: геоэкономическое, геоэкологическое и геополитическое районирование. – Иркутск, 2004.

1. *Avtorkhanov A.* The Kremlin Empire. The Soviet type of colonialism / A. Avtorkhanov. – Vilnius : Cooperative Association of Moscow constituency and company INPA, 1990.

2. *Alayev E. B.* Socio-economic geography. Conceptual-terminological dictionary / E. B. Alayev. – M. : Mysl, 1983.

3. *Gaidar E. T.* The Empire wreckage / E. T. Gaidar. – M. : ROSSPEN, 2006.

4. *Guseinov Ch.* The Empire is people / Ch. Gusseinovov, D. Dragunskiy, V. Tsyumburskiy // The XX-th century and the world. – 1990. – N 8.

5. *Ivleva V.* USSR. Thanks to everyone. Everyone is free // New journal. – 2007. – July 16.

6. *Probst A. E.* Social industry placement / A. E. Probst. – M. : Ekonomizdat, 1962.

7. *Solzhenitsyn A.* The way to develop Russia // Koms. truth. – 1990. – 18 September.

8. *Tarle E. V.* The outlines of history of West-European states politics (ending of XV – beginning of XIX c.) / E. V. Tarle. – M. ; L. : Science, 1965.

9. *Yakobson A. Ya.* The Empire as an economical-geographical, historical-geopolitical and ethnocultural-ecological phenomenon // The News of ISPU. – 1997. – N 2.

10. *Yakobson A. Ya.* Informational-geographical aspects of contemporary changes: methodological approaches // Natural resources potential of Asian Ruuaia and neighbouring countries: geo-economics, geo-ecological and geo-political regionalization. – Irkutsk, 2004.

Geographer's Speculations on "The Empire Wreckage". Part 2

A. Ya. Yakobson

Irkutsk State University of means of communication, Irkutsk

The article is written in form of the discussion with Yegor Gaidar and his book "the Empire wreckage". The geographical analysis, using the criteria introduced by Gaidar, brings us to the conclusion that Soviet Union, having some characteristics of an Empire, wasn't in any way a formation similar to the Austrian, British, French and other Empires. It had a lot more in common with such multiethnic though integral states as Yugoslavia and the actual one – Great Britain.

Key words: Empire, Soviet Union, separatism, political-geographical formation, comparative analysis, metropolitan country, multiethnicity, emergentness, federation.

Якобсон Анатолий Яковлевич – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, тел. 8(3952)99-66-19, e-mail: yakobson_ay@irgups.ru

Yakobson Anatoliy Yakovlevich – Doctor of Geographical Sciencs, Professor, the Head of the Management Department, the Irkutsk State University of means of communication, 664074, Irkutsk, Chernyshevskiy st., 15, phone 8(3952)99-66-19, e-mail: yakobson_ay@irgups.ru